

УДК 930.1(47)

ББК 63.1(2)

О юридическом статусе Иртышского десятиверстного пространства в дореволюционной историографии

И.В. Анисимова, Ю.А. Лысенко, М.Ф. Лысенко, Н.С. Юферова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

About the Legal Status of the Irtysh Ten-Verst Space in Pre-Revolutionary Historiography

I.V. Anisimova, Yu.A. Lysenko, M.F. Lysenko, N.S. Yuferova

Altai State University (Barnaul, Russia)

Анализируется отечественная дореволюционная историография по проблеме казахско-казачьих межэтнических отношений в лесостепной зоне Южной Сибири. Крупнейшая водная артерия региона река Иртыш являлась объектом внимания двух этносов на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в., выступавших конкурентами в борьбе за ее природные ресурсы. Анализ богатейшего наследия дореволюционной отечественной историографии позволяет говорить о том, что предметом пристального внимания исследователей стали история собственно Сибирского казачьего войска, поэтапного заселения кочевыми казахскими племенами территории Верхнего Прииртышья и создание Иртышского десятиверстного пространства как особой буферной зоны. В поле зрения исследователей находились также вопросы трансформации территории десятиверстного пространства на протяжении второй половины XIX в., расширения его вглубь казахской степи, содержания стратегий и конкретных межэтнических практик, характеризующихся в том числе открытым противостоянием. В то же время вопросы юридического статуса десятиверстного пространства, содержание межведомственной борьбы за него, проекты и механизмы решения проблемы землеустройства казахов, кочевавших в районе Иртыша, характер межэтнических казахско-казачьих отношений после указа 1904 г. остались за рамками внимания дореволюционных исследователей. Все это требует дальнейшего изучения указанного спектра проблем.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирское казачье войско, казахи, Иртышское десятиверстное пространство, историография, межэтнические отношения.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-03

Межкультурные процессы полиэтнических регионов Российской империи по-прежнему остаются объектом пристального внимания исследователей.

The authors analyze domestic pre-revolutionary historiography according to the problem of the Kazakh-Cossack inter-ethnic relations in the forest-steppe zone of Southern Siberia. The largest waterway in the region of the Irtysh River was the object of attention of two groups during the second half of XVIII — early XIXth century, who were competitors in the struggle for its natural resources. The analysis of the rich heritage of pre-revolutionary Russian historiography suggests that the subject of attention of researchers began the history of the Siberian Cossack Army, the gradual settlement of the nomadic Kazakh tribes of the Upper Irtysh and the creation of the Irtysh ten-verst (desyativerstnoye) space as a special buffer zone. In the view of researchers were also questions of transformation of “desyativerstnoye space” during the second half of the XIXth century, its expansion to the Kazakh Steppe, contents of strategies and specificity of ethnic practices, including an open confrontation. At the same time the legal status of “desyativerstnoye space”, the contents of the interdepartmental struggle around it, projects and mechanisms to solve the problem of land management of the Kazakhs, nomadizing near the Irtysh, the nature of ethnic Kazakh-Cossack relations after the decree of 1904 — remained outside the focus of pre-revolutionary researchers. All this requires further study of the indicated problem aspect.

Key words: Russian Empire, Siberian Cossack Army, the Kazakhs, Irtysh “ten-verst space”, historiography, inter-ethnic relations.

Интерес к данной теме во многом связан с особенностями формирования территорий империи и поэтапным включением в ее состав многочисленных на-

родов Сибири, Кавказа, Казахстана и Средней Азии. Следствием данного процесса являлись мощные процессы межкультурной коммуникации, конкретное содержание которых во многом координировалось имперскими установками национальной политики.

Одним из таких регионов выступало Верхнее Прииртышье, территорию которого на протяжении XVIII — первой половины XIX в. активно осваивали два этноса: русские и казахи, значительно отличающиеся друг от друга цивилизационными установками и традиционными системами жизнеобеспечения. Продолжительный период их совместного проживания в новой природно-ландшафтной зоне сопровождался определением сферы взаимных интересов и развитием на их основе межэтнических контактов. Наиболее активно стратегии русско-казахского взаимодействия формировались в экономическом кластере, их реализация осуществлялась в виде разнообразных практик межкультурной коммуникации: от межэтнических конфликтов по вопросам землепользования до процессов аккультурации.

Особой зоной русско-казахского межэтнического взаимодействия выступала Иртышская десятиверстная полоса, процесс формирования которой был инициирован военно-стратегическим продвижением Российской империи в южносибирском направлении в первой половине XVIII в. Результатом стало создание на правом берегу Иртыша укрепленной линии, гарнизоны крепостей которой комплектовались казаками, солдатами драгунских полков, пехотных и стрелковых команд, высланными на линию для сельскохозяйственных работ «колодниками», а также крестьянством. Отсутствие правового механизма регламентации казахско-казахского землепользования в Прииртышье привело к появлению указа 1765 г., предполагавшего создание буферной зоны — десятиверстной полосы — между казахскими кочевьями и землями, занятыми русским казачьим и крестьянским населением. На протяжении XIX в. территория Иртышского десятиверстного пространства была значительно продвинута вглубь казахских кочевий и освоена сибирским казачеством. С целью продуктивного использования земельных ресурсов региона последнее активно практиковало сдачу их в аренду казахскому населению.

Более детальное изучение межкультурных процессов в Верхнем Прииртышье в XVIII — начале XX в. неизбежно требует обращения к богатейшему научному и эпистолярному наследию дореволюционной историографии. Наибольшее звучание в трудах исследователей этого периода нашли отражение вопросы, связанные с историей Сибирского казачьего войска. Данную проблему изучали ученые-путешественники П.С. Паллас, И.П. Фальк, А.И. Левшин и др. [1–3]. В их работах представлены материалы, анализирующие процесс формирования и поэтапного развития

казачества Сибири, цель его «государевой службы» в регионе. Приводимые авторами сведения позволяют проанализировать военно-политическую обстановку в Прииртышском регионе во второй половине XVIII — середине XIX в. и в целом охарактеризовать международную ситуацию в Центральной Азии, определить стратегические интересы Российской и Цинской империй в регионе.

В научных работах П. Золотова, А.П. Васильева, П.И. Небольсина, И. Завалишина и других [4–7] содержится богатейшая эмпирическая база социально-экономического развития сибирского казачества. Выявленные бытовые, хозяйственные, поведенческие и другие отличия иртышских и бийских казаков объяснялись исследователями не только территориальным и природно-географическим факторами, но и межкультурным взаимодействием.

Наиболее полная картина социально-экономического развития Сибирского казачьего войска представлена в фундаментальном труде Ф.Н. Усова «Статистическое описание Сибирского казачьего войска» [8]. Исследователь проанализировал динамику войскового населения более чем за 40 лет, рассмотрел процесс формирования войскового капитала и основные источники его пополнения, показал постепенное усиление роли земледелия в хозяйстве сибирских казаков, включил в текст работы этнографические заметки об их быте.

Неоднозначно дореволюционные исследователи оценивали роль сибирских казаков в решении государственных задач. В них многие видели силу, способствующую проведению в жизнь правительственной политики. Так, Н.Г. Путинцев отмечал, что «сибирские казаки были первыми проводниками русской гражданственности и культуры на наших азиатских окраинах» [5, с. 1]. Им отводилась роль культуртрегеров для местных инородцев, призванных распространять среди последних оседлый образ жизни и земледелие. Другая группа исследователей, напротив, подчеркивала слабую колонизаторскую силу казачества, его неспособность решать поставленные перед ним государственные задачи. Одной из причин сложившейся ситуации, например В.К. Андреевич, считал социальную аморфность и полиэтничность сибирского казачества, подчеркивая, что «сибирский служилый люд пополнялся всяким сбродом... и потому решительно не умел подчиняться начальству в силу долга служебного» [9, с. 218]. Н.М. Ядринцев был убежден, что «русское население в лице казака сталкивается со слабейшей расой инородцев и показывает на ней всю грубую силу, всю жестокость и корыстолюбие завоевателя» [10, с. 106].

Значительный пласт дореволюционных исследований был посвящен социально-экономическим аспектам развития казахского этноса, кочующего в зоне межэтнических контактов — Верхнем Прииртышье.

Парадигмой для характеристики хозяйственно-культурного типа автохтонных народов данного региона и Сибири в целом в работах дореволюционных авторов выступала концепция стадильности и монолинейности исторического процесса. При этом европоцентризм, характерный для общественно-политической мысли Нового времени, безусловно, ставил на более низкую стадию развития большинство народов азиатской части Российской империи.

В то же время традиционная система жизнеобеспечения инородцев, по мнению дореволюционных исследователей, имела перспективы переродиться в более прогрессивные формы хозяйствования. Основой для объективного научного подхода к этой проблеме в конце XIX в. выступали принципы эволюционизма, теоретические постулаты которого господствовали в научной среде. В рамках данной теории все многообразие этнокультур объяснялось влиянием разных естественно-исторических условий, а прогресс понимался как смена одной культурной ступени другой в результате соответствующих изменений внутри данной культурной системы. Таким образом, главной задачей исследователей становился поиск критериев прогрессивности и перспектив развития инородческих племен. Способность культуры «инородцев» позитивно рефлексировать на изменения естественно-исторических условий обитания, приспособляться к новым требованиям «внешней среды», прежде всего к новым социально-экономическим отношениям и более прогрессивным формам хозяйствования, считались показателем ее полноценности. Так, кочевой быт, который требовал наличия «нескольких постоянных жилищ», представлялся гораздо более высокой стадией развития, чем бродячий — «самая низкая ступень культуры, самое необеспеченное состояние, не привязанное к одному определенному месту, не требующее особенной заботы о будущем, не принуждающее делать для себя и стада своих запасы» [11, с. 88–89].

В то же время оценка исследователями XIX в. культуры «инородцев» Сибири как «ненормальных и нездоровых культурно-бытовых форм» с «печатью невежества, дикости, бедности на предметах быта и промыслов» [12, с. 3–6] диктовалось не одним европоцентризмом. Большинство авторов, знакомых с данной проблемой, объясняли возникновение тенденций к «угасанию» культуры, к хозяйственному кризису не абсолютным несовершенством этих норм бытия, а приходом русских и привнесением новых форм хозяйства, повлекших нарушение естественного и гармоничного для данной физико-географической среды миропорядка.

В связи с данными методологическими подходами наиболее дискуссионной являлась проблема оседания и перехода кочевников на оседлый образ жизни. Определенная группа исследователей была

убеждена, что под влиянием русско-казахской культуры у казахов Степного края появлялись многие признаки оседлости. В.А. Владимирский к их числу относил использование казахами стационарных жилищ, переход кочевников к сенокосению и земледелию. Анализируя хозяйство кочевников Степного края, исследователь выделил три его типа, позволившие говорить об определенной эволюции. Сущность эволюции заключалась, по мнению В.А. Владимирского, в постоянном возрастании его интенсивности и приближения к формам оседлого быта. Результатом данной трансформации становилось появление новой социальной группы казахского общества — джатачества: казахов, занимающихся земледельческим трудом [13]. Другая группа авторов считала, что процессы оседания казахов-кочевников явились не результатом воздействия на них прогрессивной культуры русских земледельцев, а следствием аграрной политики Российской империи, связанной с массовой экспроприацией пастбищных угодий для создания участков Переселенческого фонда.

К числу исследователей, наиболее детально рассматривавших вопросы экономического быта казахов, следует отнести Н.Я. Коншина [14, с. 9–182]. В своем анализе краевед опирался на описание хозяйственной деятельности казахов, проживавших на казахских землях, на землях Алтайского округа, в городах и других крупных селениях Степного края. Автор подробно осветил проблемы землеустройства казахов, основные формы аренды ими офицерских, юртовых земель Сибирского казачьего войска. В своих очерках он подчеркивал зависимость казахских хозяйств от наемного труда казахов, а также о нарастании аграрных противоречий между казаками и казахами. Следует подчеркнуть, что благодаря исследованиям Н.Я. Коншина современные ученые имеют бесценную информацию по различным аспектам межэтнического взаимодействия русского и казахского этносов в Верхнем Прииртышье.

История Иртышской десятиверстной полосы неразрывно связана с исследованием вопросов казахско-казачьего межэтнического взаимодействия. Основываясь на том, что официально казачество рассматривалось как особая полицейская сила, призванная претворять в жизнь государственную политику на окраинах Российской империи, определенная группа исследователей дореволюционного периода оценивала казахско-казачьи отношения крайне официально-одиозно и указывала на односторонние процессы аккультурации по линии казаки-казахи.

Иная оценка взаимодействия кочевого населения и сибирского казачества представлена в работах Н.Г. Путинцева, Н.Ф. Усова, Г.Е. Катанаева, Н.Г. Потанина и др. [5; 8; 15–20]. Данная группа исследователей акцентировала внимание на процессе экономического и культурного взаимодействия

и взаимной аккультурации двух этносов. Основой межэтнической коммуникации выступал экономический фактор: процесс земельных изъятий у казахов в 70–80-е гг. XIX в. диктовал необходимость выработки ими адаптационных поведенческих моделей, направленных на поиск новых форм и средств существования. Одной из них становился наем казахов в хозяйства крестьян или казаков Иртышской укрепленной линии.

Казаки нанимали казахов для ухода за скотом, на земледельческие работы, заготовку сена и дров, женщины-казашки предлагали услуги по ведению домашнего хозяйства. Исследователь истории Сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаев писал: «Нет по Иртышской линии сколько-нибудь зажиточного крестьянского хозяйства, в котором не было бы одного-двух-трех работников или работниц из джатаков... нередки случаи перехода таких джатаков в качестве «крестных» и «питомцев» в казаки и мещане. Есть джатаки, которые могут указать не только отцов, но и прадедов, не знавших другого быта, кроме джатачества; они отлично говорят по-русски, не обходятся без хлеба и чая, не знают иного жилища кроме русской избы и не могут представить себе, как бы они устроились, если бы судьба вновь выкинула их в степь, где нет привычной для них обстановки и заработков» [15, с. 20].

Однако наиболее прочной основой взаимодействия двух этносов выступала система арендных отношений, официально введенная в Сибирском казачьем войске в 1877 г. В работах Г.Е. Катанаева содержится огромный статистический и эмпирический материал, позволяющий проследить динамику арендных отношений в войске, реконструировать основные ее типы и формы, нормативно-правовую базу, типы и характер хозяйств казахов-арендаторов, их промысловую и другие виды деятельности в казачьих поселках и станицах. Всего, по данным исследователя, к началу XX в. арендаторами трех категорий земельных участков Сибирского казачьего войска (офицерских, войсковых и юртовых) являлось около 70 тыс. казахов. Из них около 27,5 тыс. чел. проживали на юртовых казачьих наделах, 5,5 тыс. чел. работали в качестве батраков в поселках. Еще 30 тыс. кочевников занимали офицерские участки, причем до 24 тыс. чел. — в районе десятиверстной полосы. Остальные 7–9 тыс. чел. кочевали на войсковой территории, в том числе 5 тыс. чел. — на левобережье Иртыша в районе десятиверстной полосы [15, с. 152].

По мнению дореволюционных исследователей, казахи и сибирское казачество были также заинтересованы и в развитии торговых отношений. Так, Н.Г. Потанин, совершавший в середине XIX в. путешествие в предгорья Южного Алтая, отмечал, что «отказ в мене» русскими рыбаками в районе Черного Иртыша вызывал «со стороны киргизов насилие; бывали случаи, что киргизы начинали бросать в рус-

ских камнями, требуя торговли». Во время самого путешествия «несмотря на все недружелюбие» к его участникам, казахи вели «оживленный торг». «Кожембеты (казахский подрод. — *авт.*) до того оказались нуждающимися в русских тканях, — отмечал далее Г.Н. Потанин, — что казаки очень выгодно сбывали не только все свои рубахи и штаны, но и старые носовые платки, онучи и тряпицы и остались каждый только при одной смене нижнего белья; когда казакам было запрещено торговать, кожембеты стали так резко выражать свое неудовольствие, что для успокоения их необходимо было дозволить продолжать мену. Рассказывают также, что киргизы прячут русских купцов и их товары при приближении китайских разъездов, разбирая товары частями по сортам, и, по удалении китайцев, товары снова возвращают купцам — до такой степени они дорожат торговыми сношениями с Россией, до того недостаточны эти сношения. Впрочем, киргизы и сами ходят отсюда в Семипалатинск, и не только из ближних волостей, но даже и отдаленные киреи, кочующие в окрестностях озера Канас. Караваны их и табуны баранов обыкновенно плавают через Нижний Иртыш близ устья р. Букони, где наш спутник Тана Тлемисович, как уже выше было замечено, содержал три парма» [19, с. 54–55].

Экономические интересы местного и пришлого населения, безусловно, создавали предпосылки для проявления конфликтных ситуаций в процессе межэтнической коммуникации. Дореволюционные авторы приводили значительное количество таких примеров, связанных, главным образом, с созданием переселенческих участков, процессами перераспределения земли в районе Иртышского десятиверстного пространства.

Примером могут служить сообщения Г.Н. Потанина, составленные исследователем по итогам путешествия в пределы Южного Алтая. Интересы русских и казахов пересеклись здесь в районах рыболовных промыслов на озерах Зайсан, Джа-Манкуль и их внутренних стоках. Путешественник отмечал, что русские рыбаки жаловались ему «на обиды от киргизов», но все они «имели вид мелких притеснений, а не выражение национальной вражды». «Мелкие притеснения» выражались в том, что «султаны и другие почетные киргизы слишком часто посещают рыболовов и требуют от них угощения и подарков рыбою». Ситуацию Н.Г. Потанин объяснял тем, что казахи считали оз. Джа-Манкуль «своей собственностью», и «подарки», таким образом, «имели вид нерегулярно взимаемой ими пошлины». Иногда, по свидетельству путешественника, казахи садились «поперек дороги в одну линию человек до 50, чтобы отрезать путь казакам», едущим на рыбные промыслы. Таким образом они надеялись спровоцировать «драку, которую может затеять казак», но казаки, объезжали «эту бар-

рикаду, и остроумный план» оставался «без последствий» [19, с. 35].

Результатом экономического взаимодействия двух этносов, по мнению исследователей XIX — начала XX в., становились процессы взаимной аккультурации. Путешествующий в 20-х гг. XIX в. по Алтайским горам и «джунгарской казахской степи» преподаватель Дерптского университета К.Ф. Ледебург отмечал: «На пути из Шемонаихи к Лосихе встретили на берегу Убы большое число поселившихся киргиз, живущих в юртах. Эти киргизы земледелием не занимаются и скота у них мало; живут они главным образом тем, что нанимаются к крестьянам или, чаще всего, к казакам пасти скот» [21, с. 36]. На протяжении XIX в. контакты между русскими и казахами только усиливались, поэтому дореволюционные авторы фиксировали рост джатачества и более активные темпы аккультурации последних.

По свидетельству Г.Е. Катанаева, джатаки составляли значительную часть казахского населения десятиверстной полосы. В начале XX в. из 33 тыс. казахов, занимающих юртовые казачьи участки, около 5,5 тыс. являлись джатаками и проживали в станицах и поселках круглогодично. Наибольшее их количество концентрировалось в Павлодарском и Семипалатинском уездах Семипалатинской области, причем многие из них были выходцами из более отдаленных от Прииртышья регионов: Баян-Аула, Каркаралинска, Акмолинска. На Бийской линии численность джатаков составляла 250 человек, в Семипалатинской области — 2936 человек, и в Акмолинской — 2403 чел.» [19, с. 21–22]. «Порвав почти всякие связи со своими одноаульчанами, эти работники-джатаки строят свое благополучие исключительно на работах в русских поселениях; редко кто из них, оправившись от несчастья, заставившего его покинуть свои аулы, возвращаются опять в те же аулы; ... чаще всего и оправившись от нищеты и заведя себе вновь какую-то скотину, они остаются на постоянном жительстве при тех же казачьих станицах, крестьянских селениях и городах, в качестве «годовых» работников и разночинцев, добывающих себе пропитание разного рода заработками — в качестве ямщиков, денщиков, извозчиков, приказчиков, посыльных, мелких менял и торговцев-алыпсаров, а иногда и самостоятельных отдельных хозяев, имеющих в поселках и городах дома» [15, с. 24].

Большинство казахских хозяйств, по статистическим данным, представленным в исследованиях Г.Е. Катанаева, имели достаточно прочную материальную позицию. Их приток в район десятиверстной полосы, а также на правобережье Иртыша, на территорию Алтайского горного округа и Томской губернии, не был связан исключительно со стремлением занять богатые травостоем пойменные луга Иртыша.

Главным мотивом массовой миграции казахов в этот регион являлась возможность заниматься «промыслами и заработками в русских селениях» и получать дополнительные источники доходов [15, с. 37].

Однако в целом, по наблюдениям дореволюционных исследователей, казахское население Верхнего Прииртышья подвергалось аккультурации со стороны русских крестьян-переселенцев и казачества более медленными темпами, чем другие народы Южной Сибири. Несмотря на революционные изменения в формах и методах хозяйственной деятельности казахского населения Прииртышья, связанные со стойловым содержанием скота и заготовкой кормов на зиму, нельзя говорить о массовом его оседании на землю и заимствовании системы жизнеобеспечения русских казаков и крестьян-переселенцев. Причина виделась в «особых условиях жизни» казахов, связанных с ведением полукочевого скотоводства, перекочевками на длительные расстояния и господством в их религиозном сознании ислама. Указывалось, что к земледелию номады переходят «очень медленно и мало, как и к оседлости и православию, притом преимущественно обедневшие «джатаки»; между тем как зажиточные, усваивая отчасти внешнюю обстановку русской жизни, главным образом из того, что не очень противоречит их кочевым привычкам» [22, с. 136].

В условиях численного превосходства казахов в большинстве станиц Семипалатинской области казаки подвергались процессам аккультурации со стороны первых. Так, например, Н.М. Пржевальский писал в связи с этим следующее: «Ассимилирование происходит здесь в обратном направлении. Казаки перенимают язык и обычаи своих инородческих соседей; от себя же не передают им ничего. Дома казак шеголяет в китайском халате, говорит по-монгольски или по-киргизски; всему предпочитает чай и молочную пищу кочевников» [23, с. 299–300]. Своего рода этнографическим символом «объинородничанья» казака стал халат. В.В. Радлов в 1862 г. отметил в своем дневнике, что это весьма распространенное явление, и что казаки в казахской степи не только носят дома халаты, но и могут явиться в нем и на службу. «Русский сарафан и кокошник, — отмечал исследователь, — неизвестны коренным казачкам» [24, с. 83].

В рационе питания сибирского казачества преобладала баранина, в то время как злаковые каши становились редкостью. Фиксировался и религиозный индифферентизм казаков, выражавшийся в редких посещениях церкви и отрицании молитвы как средства утешения. Достаточно много дореволюционные исследователи писали и о формировании особого антропологического типа казака-старожила, во внешнем облике которого, несмотря на то, что неславянский элемент не был значительным, все же отмечали «уклонения от русского типа к монгольскому». Объясняя

данную ситуацию, Ф. Усов писал: «...на пограничных сибирских линиях долгое время было чрезвычайно мало русских женщин, и казаки женились на инородках» [8, с. 68].

В социальной и религиозной сферах процесс утраты русскими православных черт был менее заметен, чем в хозяйственных практиках, бытовых заимствованиях и лингвистическом словаре казаков. Большинство дореволюционных исследователей писали о достаточном распространении среди казачества Сибири казахского языка. При характеристике положения джатаков в хозяйстве казахов Г.Е. Катанаев отмечал, что «...почти каждый казак знает киргизский язык, и с ним легко объясниться подневольному работнику. Во многих особенностях своего хозяйства казак сам полукиргиз, и потому в своих требованиях к батраку-киргизу более выносим, чем крестьянин или мещанин, еще, так сказать, не спевшиеся и не понимающие киргиза» [15, с. 22]. Г.Н. Потанин в связи с этим констатировал: «Киргизский язык не только не пренебрегается казаками, но считается разговорным» [25, с. 6–7].

Менее разработанным в дореволюционной историографии нужно считать вопрос о юридическом статусе Иртышской десятиверстной полосы. Большинство исследователей придерживались официальной точки зрения, согласно которой «территория, занимаемая по ту и по другую сторону линейных крепостей и казачьих поселений, есть территория исключительно русская с самого образования вплоть до XIX столетия». Отсутствие законодательного акта, закреплявшего бы за Сибирским казачьим войском данный регион и определившего его границы, выступало,

по их мнению, мощным дестабилизирующим фактором межэтнических отношений и порождало массу конфликтов по вопросам землепользования.

Обращение к данной проблеме правительства на рубеже XIX — начала XX в., как известно, закончилось передачей Иртышского десятиверстного пространства в собственность Сибирского казачьего войска. Однако вопросы межведомственной борьбы, содержание дискуссии и позиции Министерства земледелия и государственных имуществ, Военного министерства, МВД и региональных органов власти по проблеме определения юридического статуса десятиверстного пространства, проекты и механизмы решения проблемы землеустройства казахов, кочевавших в районе десятиверстного пространства, характер межэтнических казахско-казачьих отношений после указа 1904 г. остались за рамками внимания дореволюционных исследователей. Известная работа М.В. Певцова «Записка по поводу споров разных ведомств о 10-верстном пространстве Сибирского казачьего войска» отражает лишь начальный этап противостояния различных министерств по данной проблеме [26]. Подворное исследование Г.Е. Катанаевым казахских хозяйств, кочующих в пределах десятиверстной полосы, проведенное им в 1906 г. по поручению генерал-губернатора Степного края, носит скорее источниковедческий, нежели историографический характер. Поэтому необходимо обратиться к проблеме юридического статуса Иртышского десятиверстного пространства и дискуссии правительственных кругов по данному вопросу в качестве самостоятельной предметной области исследования.

Библиографический список

1. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. — СПб., 1786–1788. — Ч. 2–3.
2. Фальк И.П. Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России. — Т. 6. — СПб., 1824.
3. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — СПб., 1832.
4. Золотов П. Материалы для истории Сибирского казачьего войска // Акмолинские областные ведомости. — 1877. — № 19; 1878. — № 9–10.
5. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска (со времени водворения западносибирских казачек на занимаемой ими ныне территории). — Омск, 1891.
6. Небольсин П.И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. — СПб., 1850.
7. Завалишин И. Описание Западной Сибири. — М., 1862. — Т. 1.
8. Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. — СПб., 1879.
9. Андриевич В.К. История Сибири. Ч. 2 : Период с 1660 года до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. — СПб., 1889.
10. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. — Новосибирск, 2003.
11. Кулаков Е.П. Иногородцы и инородческий вопрос на Нижегородской всероссийской выставке // Русское богатство. — 1896. — № 12.
12. Головачев П.М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. — М., 1902.
13. Владимирский В. К вопросу о переходе киргиз в оседлое состояние // Отчет о деятельности Западно-Си-

бирского отдела Императорского русского географического общества. — Омск, 1898.

14. Коншин Н.Я. Киргизы на казачьих землях // Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 г. — Семипалатинск, 1901. — Вып. 5.

15. Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. — Омск, 1904.

16. Катанаев Г.Е. Десятиверстная полоса // Сибирские войсковые ведомости. — 1907. — № 2.

17. Катанаев Г.Е. К вопросу о так называемых «земельных захватах» Сибирского казачьего войска. — Омск, 1898.

18. Катанаев Г.Е. О поступательном движении киргиз Средней Орды к границам Западной Сибири, его значении и вероятных причинах // Отчет о деятельности Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — Омск, 1886.

19. Потанин Г.Н. Путешествие на озеро Зайсан и речную область Черного Иртыша до озера Маркакуль и горы Сарытау летом 1863 года Карла Струве и Григория Потанина // Записки ИРГО. — СПб., 1867. — Т. 1.

20. Потанин Г.Н. Зимняя поездка на озеро Зайсан (зимой 1863–1864 г.) Григория Потанина // Записки ИРГО. — СПб., 1867. — Т. 1.

21. Ледебург К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. — Новосибирск, 1993.

22. Головачев П. Сибирь. Природа, Люди. Жизнь. — М., 1902.

23. Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем (Урга, 22 окт. 1880 г.) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. — Вып. I. — СПб., 1883.

24. Радлов В.В. Из Сибири: страницы из дневника. — М., 1989.

25. Потанин Г.Н. Записки о Сибирском казачьем войске // Военный сборник. — Т. XIX. — СПб., 1861.

26. Певцов М.В. Записка по поводу споров разных ведомств о 10-верстном пространстве Сибирского казачьего войска генерального штаба полковника М.В. Певцова. — Омск, 1898.